

никами и отдельно. Но списков ее старше XVI века ни одного не известно, большинство же их относится к XVII и даже XVIII векам. Популярность повести засвидетельствована также и тем, что в начале XVIII века она была напечатана (Москва, 1713) в некоторой обработке с дополнениями о том же Царьграде из других источников, и издание это повторялось в течение всего XVIII века, переводилось на тогдашний русский литературный язык и в таком виде также не раз воспроизводилось. Кроме того, печатное издание 1713 и последующих годов переходило опять в рукописные копии в том же XVIII веке. На популярность этой повести указывает, конечно, и то, что она сама в течение веков изменялась, образуя ряд редакций и переделок, вступала в связь с другими повестями о Константинополе, каковы: лирический плач (памятник несомненно еще XVI века), так называемый „Ин перевод“ (т. е. иной рассказ о падении Царьграда) и различные сказания, независимые от хронографической повести, помещавшиеся в летописях и восходящие по времени к рассказам, близким к самому событию.

Причина такой популярности повестей и рассказов о падении Константинополя в русской письменности, а также отчасти и в югославянских литературах, едва ли нуждается в особом объяснении: нам хорошо известно значение и роль Византии на протяжении всей эпохи феодализма, как для Руси, так и для югославянских стран, известно значение и такого мирового события, каким было падение тысячелетнего греческого государства. Недаром Константинополь сыграл значительную роль в церковной и государственной идеологии XVI и XVII веков, а „восточный“ вопрос в XVIII веке сопровождался усиленным распространением повестей о взятии Царьграда турками в рукописной и печатной литературе.

Центральное положение среди сказаний о падении Константинополя занимает пространная повесть, являющаяся наиболее обстоятельной и богатой из всех по содержанию. По своим чисто литературным достоинствам она должна занять выдающееся место среди русских повестей XV—XVI веков.

Начиная с Леонида, нашедшего и впервые издавшего по единственному известному тексту (Троицк. 773) послесловие пространной повести, большинство писавших об этой повести считались с этим послесловием, видя в нем ценный материал для представления о самой повести и ее авторе. Недоверчиво отнесся к этому послесловию А. И. Соболевский, отмечая, что оно противоречит данным самой повести. Тогда как „фактические данные повести показывают, что автор во время осады Царьграда находился в Царьграде“<sup>1</sup>, из послесловия вытекает, что он находился в турецком лагере, среди осаждавших город, и, „уловляя время дозрением и испытанием“, писал „в каждый день творимая деяния вне града от турков“, а войдя в город (после его взятия), испытал и собрал „от достоверных и великих мужей вся творимая деяния во граде противу безверных“ (слова послесловия). Обе повести (пространная и краткая), по мнению А. И. Соболевского, созданы членами русской колонии в Константинополе, захваченными там осадой и случайно уцелевшими. Но писали они эти повести, уже вернувшись на Русь.

Обратимся к выяснению соотношения сообщений о том, что совершалось в турецком лагере, с одной стороны, и о том, что происходило

<sup>1</sup> А. И. С о б о л е в с к и й. Переводная литература московской Руси XIV—XVII вв. СПб., 1903, стр. 13.